

О ВЗАИМНОЙ ДИФФУЗИИ УРОВНЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ИЕРАРХИИ

© 2011 О.Н.Шалифова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 02.11.2010

Статья посвящена вопросу о сходстве слово- и фразообразовательных структур и проистекающей из нее размытости границ между морфемным, лексическим и фразовым уровнями языковой иерархии. Исследование проведено на материале английского и русского языков.

Ключевые слова: языковая иерархия, семантическая структура, морфемная структура, полисемия.

Морфемное строение слов и морфосинтаксическое строение сочетаний слов детально изучаются в рамках соответствующих отраслей лингвистики, но, как правило, по отдельности, без выделения должного внимания их сходству. Специалисты по словообразованию, синтаксису и фразеологии сравнительно мало координируют свои усилия, по-видимому, полагая, что объекты их анализа слишком разнородны. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что между ними нет резкой границы; эти объекты характеризуются значительной общностью.

Судя по данным словарей, устойчивые словосочетания (фразеологизмы, фразеоматизмы, буквальные составные наименования) имеют чаще всего одно значение, реже 2 – 3 и совсем редко – 4, в то время как отдельные слова зачастую имеют десяток, а то и несколько десятков значений. Семантическая структура слов среднестатистически значительно шире семантической структуры устойчивых словосочетаний.

На наш взгляд, эта разница обусловлена тем, что фразообразовательная структура подробнее словообразовательной. Проигрывая слову в краткости, сочетание слов выигрывает в точности именовании объекта. У словосочетания с его развернутой морфосинтаксической структурой есть больше возможностей для экспликации смысла, нежели у слова с его сжатой словообразовательной структурой. Например, термин *телескопический объектив* практически полностью самообъяснителен. Его внутренняя форма прозрачна. Она точно объясняет, какой внеязыковой объект имеется в виду: объектив телескопа или иного оптического прибора, сконструированный по тому же принципу. Благодаря развернутости фразообразовательной структуры и проистекающей из нее подробности внутренней формы это наименование выполняет идентифицирующую и дефиниционную

функцию, в то время как его профессионально-жаргонный лексический синоним *телевик*, вследствие лаконичности словообразовательной структуры и проистекающей из нее неопределенности внутренней формы, мало что объясняет. Теоретически это слово может обозначать многое. Если не знать его значения, то можно предположить, что словом *телевик* обозначается телеоператор, телеведущий, заядлый телезритель, телекамера, телеантенна или иная деталь оптического прибора, позволяющего получать изображения с дальнего расстояния, в том числе телескопический объектив. Вероятность последнего из возможных значений невысока. У устойчивого сочетания мотивированность значения обычно выше, а конвенциональность ниже, чем у слова.

Приведем английский пример: *internal combustion engine* «двигатель внутреннего сгорания». Из элементарных фоновых знаний известно, что имеется в виду сгорание *топлива*. Значит, это двигатель, у которого топливо сгорает внутри (в цилиндрах), в отличие, скажем, от парового двигателя, у которого оно сгорает снаружи (в топке). Данный термин мотивационно прозрачен на основе внутренней формы и фоновых знаний, именно поэтому он вряд ли может обозначать что-либо еще. Возможностей развития полисемии у него немного.

Английское слово *motor* имеет несколько значений: 1) «what imparts motion»; 2) «what induces a person to act, e.g. desire»; 3) «machine supplying motive power for carriage or vessel, esp. internal combustion engine»; 4) «electric engine»; 5) *colloq.* «same as motor-car»; 6) «muscle moving a part of the body»; 7) «nerve exciting muscular activity»¹. Полисемия обеспечивается неопределенностью номинального значения данного слова: лат. *movere* / *mot-* «to move» + *-or* = «a mover». Кроме то-

⁰Шалифова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков. E-mail: dekanatino@mail.ru

¹ *Concise Oxford Dictionary of Current English*. Oxford: University Press, 1989.

го, у него есть и потенциал дальнейшего семантического развития в рамках поля виртуальных интерпретаций «a factor of motion»; такого потенциала нет у словосочетания *internal combustion engine*. Эта разница обусловлена сжатостью и связанной с ней амбивалентностью словообразовательной структуры, в противовес большей развернутости фразообразовательной структуры, в которой характер семантических связей между частями выражен явно. В словосочетании всё настолько ясно, что не остается места для множественности его семантических интерпретаций. В этом, вероятно, состоит причина большей многозначности слов по сравнению с устойчивыми словосочетаниями. Но, как будет показано ниже, это касается тех случаев, когда слово по своим структурным свойствам явно отличается от словосочетания. Если слово и словосочетание практически не различаются по структуре, их семантические свойства весьма сходны.

Внутри словосочетания имеются флексии, предлоги, союзы, артикли, частицы, которые выражают разнообразные семантические связи между его лексическими компонентами. А внутри слова ничего этого нет; в нем смысл более спрессован. В целом словообразовательные возможности выражения смысла ниже фразообразовательных. Что же касается английских слов, их словообразовательные возможности весьма невелики: такие слова в своем большинстве являются либо корневыми (*head*), либо двухкорневыми (*blockhead*); корни в них примитивным образом примыкают друг к другу без каких-либо формальных средств связи. Организирующую смысловую нагрузку несет в основном порядок следования корней (*blockhead* разг. «тупица», *headblock* техн. «главный блок») и немногочисленные суффиксы типа *-er* (*head-blocker* техн. «блокиратор головки «винта»»). Говоря в целом, словообразовательных средств организации смысла в английском языке немного. Поэтому в данной части английского лексического фонда высокое развитие получили не аффиксальные (словообразовательные), а чисто семантические способы создания новых значений: сужение, расширение, сдвиг и перенос значения в их многообразных разновидностях. Например, чтобы образовать агентивные и инструментальные значения на основе корня *рез-*, в русском языке используются различные суффиксы: *резатель*, *резчик*, *резник*, *резак*, *резец*, *-резка* (часть слов типа *хлебо-резка*), др.-рус. *резлу* (ср. *сверло*, *жерло* и т.п.). Это словообразовательный способ создания значений. В английском же языке такого разнообразия агентивно-инструментальных суффиксов не наблюдается. От английского

корня *cut-* можно образовать лишь агентивно-инструментальное существительное *cutter*. Поэтому образование значений происходило путем *распада широкого значения*. Общая семантика слова *cutter* расщепилась на ряд конкретных значений: 1) «person who cuts (lumber-man, carver, engraver, cloth-cutting tailor)»; 2) «thing that cuts (carving-knife, chopper, chisel etc.)»; 3) «kind of brick that can be cut»; 4) «boat belonging to ship of war»; 5) «small single-masted vessel with running bowsprit».

В русском языке, с его высокоразвитой аффиксальной системой, разница между фразо- и словообразовательными структурами велика и отчетлива. Случаи их совпадения (*сногшибательный*, *сумасшедший*, *умалишенный*) редки и представляют собой скорее исключение, чем правило. Вследствие наличия множества слово- и формообразовательных морфем, лексическим компонентам словосочетания трудно сливаться в единое сложное слово. Например, фразеологизм *синий чулок* из-за наличия аффиксальной флексии, меняющейся при склонении (*синего чулка*, *синему чулку* и т.д.), не может стать сложным словом. А английская языковая единица *blue stocking* приводится не только во фразеологических, но и в лексических словарях (в формах *blue-stocking* / *bluestocking*), т.е. как слово. Словосочетание стало словом без структурных изменений.

Это возможно вследствие отсутствия аффиксальной оформленности у многих английских слов. Лексикализации особенно подвержены сочетания со структурой так наз. субстантивно-го бинома (noun + noun). Ср.: *police man* → *policeman*, *jack ass* → *jackass*, *beef eater* → *beefeater* etc. Случается такое и с сочетаниями типа adjective + noun, например: *free man* → *freeman*, *blue bell* → *bluebell*, *big wig* → *bigwig* (при этом они зачастую идиоматизируются). Отсутствие аффикса внутри языковой единицы способствует слиянию слов в единое сложное слово и превращению этих слов в морфемы. Безаффиксное соединение словоформ (синтаксическое примыкание), характерное для английского языка, структурно ничем не отличается от примыкания морфем в сложном слове без соединительной гласной. Поэтому иногда неясно, словосочетание перед нами или сложное слово: *big head* / *big-head* / *bighead* «важная шишка». Наличие / отсутствие пробела между частями единицы на письме – критерий слабый, поскольку он носит искусственный характер: орфографию устанавливают лексикографы, а не языковой коллектив. В таких случаях нейтрализация оппозиции «раздельность :: глобальность номинации объекта» приводит к ней-

трализации оппозиций «словосочетание :: слово» и «слово :: корень слова».

Синтаксическая структура таких словосочетаний практически ничем не отличается от словообразовательной. В ряде случаев даже наличие флексии, суффикса, предлога внутри словосочетания не мешает его лексикализации, например: *devil's-books* «игральные карты», *washing-tub* «тазик», *brother-in-arms* «соратник». Вероятно, такая лексикализация происходит «по инерции», по аналогии с предыдущими случаями.

Этому процессу способствует также тот факт, что около половины английских слов имеют германское происхождение и претерпели отпадение флексий. Они зачастую являются грамматически простыми (корневыми), а потому односложными (*god, law, back, dog, gold, bird* etc.). Их легче сливать в сложные слова, чем аффиговые слова романского происхождения (ср. *swing* и *oscillation*) или русские слова (ср. *swing* и *колебание*). Односложные английские слова органично образуют сложные слова – например, *short-hand* «стенография». Русская норма словообразования этого не допускает, а английская допускает легко: *landlaw* «закон о собственности на землю», *pot-luck* «пропитание, какое Бог пошлет», *frogman* «аквалангист» и др.

Таким образом, в английском языке – языке аналитического строя – разница между фразой и словообразовательными структурами выражена в меньшей степени, чем в русском языке – языке синтетического строя. Многие английские слова по структуре не отличаются от словосочетаний, а морфемы – от слов. Это делает английский язык в какой-то мере похожим на корнеизолирующие языки (например, китайский), в которых упомянутая тенденция доведена почти до предела.

Казалось бы, вследствие того, что структура английских сложных слов практически такова же, как у словосочетаний, они должны быть высоко мотивированы и низко конвенциональны, а потому олигосемичны, как словосочетания. Но на практике этого не наблюдается. Английские сложные слова зачастую низко мотивированы, высоко конвенциональны и потому весьма многозначны. Не противоречит ли данный факт вышеупомянутому утверждению о том, что словосочетания в целом мотивационно прозрачнее и олигосемичнее слов?

Мы полагаем, что здесь нет противоречия. Дело в том, что выше в качестве примеров были приведены словосочетания, которые состоят из полиморфемных слов, пришедших из языков синтетического строя (латыни и греческого): рус. *телескопический объектив*, англ. *internal*

combustion engine. Служебные морфемы, связующие лексические компоненты этих сочетаний, четко выражают характер семантических связей между словами; поэтому значения приведенных словосочетаний ясны и неамбивалентны. Неоткуда взяться множественности их толкований, приводящей к многозначности. В этом, на наш взгляд, состоит причина их олигосемии. У них нет базы для семантического развития.

В английском же языке, как уже упоминалось, служебных морфем в германских словах мало; поэтому характер семантических связей между словами в словосочетании зачастую неясен, что приводит к множественности толкований и развитию полисемии. На наш взгляд, об английском языке можно сказать: в нем не слова похожи по своей структуре на словосочетания, а наоборот, словосочетания, в силу наличия большого числа корневых слов и широкой распространенности примыкания, похожи на слова, а лексические компоненты – на морфемы.

По Л.Блумфилду², морфемы суть связанные формы, а слова – свободные формы. По М.В.Никитину³, морфемы представляют собой фиксаторы смысла (они фиксируют, т.е. закрепляют за собой значения), а слова – номинаторы смысла (они способны самостоятельно активизировать в сознании представление о тех или иных объектах внеязыковой реальности). Но как различать корневые морфемы и корневые слова? Как установить, что данная языковая единица не просто фиксирует значение, а номинирует внеязыковой объект? Во флективных языках выделять слова в потоке речи нетрудно: корни обычно оформлены аффиксами, и границы между словами проходят по служебным морфемам. Это формальный критерий. Рус. *горячая голова* («импульсивный человек») – это, разумеется, словосочетание, т.к. между его частями имеется флексия, оформляющая языковую единицу в слово. А как рассматривать англ. *hot head / hot-head / hothead*? Просодический критерий не срабатывает: в обоих случаях акцентная структура одна и та же. Графический критерий тоже неэффективен: эта единица пишется и как словосочетание, и как слово. Какой же языковой статус следует ей приписать?

По нашему мнению, нужно признать за этой и другими подобными ей единицами (*life boat / life-boat* «спасательная шлюпка», *bee hive / beehive* «улей» etc.) статус единиц переходных, промежуточных между словами и словосочетаниями. Они суть не совсем слова и не совсем словосочетания, а специфический тип языковых

² Блумфилд Л. Язык. – М.: 1968.

³ Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). – М.: 1983.

единиц: номинативная самостоятельность (словность) их компонентов в той или иной мере подавлена нависшим над ними приращенным смыслом. Единицы этого типа образуют переходный подуровень между уровнем слов и уровнем словосочетаний; такие единицы обладают типологическими свойствами как слов, так и словосочетаний. На этом подуровне единицы нижнего слоя, смыкающегося с лексическим, практически представляют собой слова. Они не проявляют почти никаких свойств словосочетаний: не допускают замены компонентов, вклинивания и трансформаций, имеют словную акцентную структуру и слитное / дефисное написание (такова, к примеру, английская языковая единица *gunman* «бандит»). Их компоненты являются морфемами.

Единицы верхнего слоя, смыкающегося с фразовым уровнем, – это практически словосочетания. Они обладают соответствующими свойствами: допускают замену компонентов, вклинивание и трансформации, имеют фразовую акцентную структуру и раздельное написание. Такова, например, языковая единица *stone heart* «бездушие», допускающая замену компонентов, вклинивание, синтаксическую трансформацию: *stony / iron heart; heart «made» of stone / iron*. Это доказывает, что компоненты таких единиц – слова.

Нижний и верхний слои этого подуровня суть «буферные зоны», а между ними располагается толстый слой переходных единиц, в более или менее равной степени проявляющих словные и фразовые свойства. Такова, скажем, идиома *hot shot / hot-shot* «сорвиголова». Компоненты таких единиц носят промежуточный характер между словами и морфемами.

А.И.Молотков⁴ писал, что компоненты идиом «суть не слова», а «особые образования, лишь этимологически восходящие к слову». Однако В.М.Савицкий⁵ показал, что это не всегда так: существуют идиомы, компоненты которых являются словами, а сами такие идиомы представляют собой словосочетания; существуют и идиомы, чьи компоненты являются морфемами, а сами такие идиомы являются словами. Но между этими «буферными зонами» действительно располагается большое число идиом, которые суть не словосочетания и не слова, а «особые образования», и их компоненты тоже суть не слова и не морфемы, а «особые образования». Таким образом, существуют три типа идиом (словосочетания – «особые образования» – слова) и три типа компонентов идиом (слова – «особые образования» – морфемы). Как следует называть эти «особые образования»? За неимением лучших наименований «особые образования» первого типа можно назвать фразеолексемами, а «особые образования» второго типа (компоненты фразеолексем) – морфолексемами.

Демаркационные линии между этими уровнями и слоями проведены не резко. На их границах наблюдается взаимная диффузия уровней языковой системы. Возможно, размытость границ характерна и для других языковых уровней. Если это так, то языковая иерархия представляет собой скорее континуум, нежели дискретное пространство.

⁴ Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: 1977. – С 26.

⁵ Савицкий В.М. Английская фразеология: проблемы моделирования. – Самара: 1993.

ON MUTUAL DIFFUSION OF THE LEVELS OF LANGUAGE HIERARCHY

© 2011 O.N.Shalifova^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

The paper deals with the similarity of word- and phrase-forming structures which results in the diffusion of the demarcation line between the morphemic, lexemic and phrasemic levels of language hierarchy.

Keywords: language hierarchy, semantic structure, morphemic structure, polysemy.

^o Olga Nicolaevna Shalifova, Candidate of Philology, Associate Professor, Dean of Foreign Languages Department.
E-mail: dekanatino@mail.ru